

1. Моем. Кансочиселес
1 XII - 762

Имя художника Вольского не раз встречалось вам на выставках в Манеже, ЦДРИ, ВТО, на Кузнецком мосту. Созданные им декорации к спектаклю «Банкрот, или Свои люди сочтемся» в театре им. Вл. Маяковского отмечены премией Московского комсомола.

Недавно Вольский принял участие в двух крупных экспозициях — «Молодость страны» [эскизы к театральным декорациям] и «Молодые художники в поездках по стране» [серия портретов].

ПОРТРЕТЫ МОЛОДЫХ

ДВЕ ГРАНИ

Глубина сцены

С ЧЕГО НАЧАЛОСЬ его увлечение театром? Виктор был мал, когда увидел «Синюю птицу» Метерлинка. Как удалось людям сотворить это чудо? После спектакля запомнилось — композитор Илья Сац и художник Владимир Егоров. По дороге домой он без конца повторял: «Вол-шеб-ство!». Так и поселилось это слово в одном из староарбатских переулков...

На постановочный факультет школы-студии МХАТ Виктор пришел после детской художественной школы. Его наставником стал Александр Окунов, покоривший Вольского своей любовью к трехмерному пространству сцены.

Годы ученичества были насыщены работой. На свою афишу молодой художник мог занести довольно интересный репертуар: «Преступление и наказание» Ф. Достоевского, «Стеклянный зверинец» Т. Уильямса, «Унтиловск» Л. Леонова, «Сон разума» А. Вальехо...

А вот и работы недавних лет. Привлекает остроумная система гофмановского шкафа, использованная в «Энергичных людях» В. Шукшина. Интересно решены «Золотой ключик» А. Толстого, «Не все коту масленица» А. Островского, «Севильский цирюльник» П. Бомарше. Все эти пьесы поставлены на сценах периферийных театров, где невозможно осуществить сложный постановочный ход: максимальная выразительность достигается минимумом точных средств.

«Банкрот, или Свои люди сочтемся» А. Островского стала для Виктора той самой «своей темой», которая захватывает сразу и целиком.

...Мы в одном из мрачных углов «ку-

пецкого» Замоскворечья, в доме Самсона Силыча Большова.

В глубине сцены на фоне черного задника — ряд массивных дубовых дверей. Они со скрипом растворяются — и в проемах, точно на старых семейных фотокарточках, возникают действующие лица. Пройдя перед огромной голой рамой, герои, словно в зеркале, видят свое лицо и обретают свою маску. «Зеркало» срабатывает как фокусирующий кадр.

Когда двери расходятся, над ними, у самых колосников, провисают запыленные голые рамы, самовар, сломанная мебель — никому не нужная куча хлама словно символ крушения мира Большовых.

А во втором действии сцена преобразуется. Тяжелый, мрачный интерьер сменяется изящным веселеньким рококо в обиталище супругов Подхалюзинных. Тем страшнее прозвучит здесь трагедия обманутого отца.

Постановщик «Банкрота» А. А. Гончаров взорвал традиционную форму пьесы, заострил социально-исторический конфликт. За флером водевиля, веселой комедии ясно прозвучали ноты высокой человеческой трагедии, обнажилась абсолют бессердечия и бездуховности.

Подметив черты новой постановки, и зритель и критика справедливо усмотрели творческое содружество всех театральных цехов: режиссерского, актерского, оформительского. Ни один предмет на сцене не остался без внимания, органично вошли в мир спектакля, насытили его образной и материальной-трубой символикой.

Процесс рождения спектакля художник сравнил с шахматной партией. В

каждой — свой дебют, развитие, завершение. Гроссмейстер заранее продумывает комбинацию — режиссер обязан представлять эстетику спектакля в целом.

— Союз режиссера и художника хотелось бы расценивать как тесное содружество равных величин... — обратилась я к художнику.

— О большем и мечтать нельзя.

От режиссера я жду ясности и гармонии замысла.

И еще важно стремление к смелому эксперименту. Иногда приходится сражаться со старым, неинтересным, правда, проверенным — за новое. Работа с Андреем Гончаровым, режиссером, не терпящим серости, инертности, пассивности, стала для меня редкой удачей.

За этот год в театрах страны появилось десять спектаклей, декорации к которым создал Виктор Вольский. А это значит — непрекращающийся ни на минуту труд, пребывание в самых разных временных состояниях (от века двенадцатого до двадцатого). И еще это — жизнь в дороге.

Человек крупным планом

ЗА ДВЕНАДЦАТЬ месяцев едва наберётся два, проведенных дома. Кемерово, Оренбург, Ульяновск, Вологда, Краснодар...

Одни художники предпочитают в творческом процессе атмосферу сосредоточенности. Другие не могут без движения, встреч, споров. Именно в такой обстановке Вольскому легко дышится, мир открывается ему шире и полнее.

По глубокому убеждению Виктора, никакое книжное знание не выдержит

соперничества с живым опытом. Листая книгу, можно, скажем, узнать сведения о грузинском или армянском искусстве, но познать культуру этих древних народов можно только в личном контакте.

Знакомства, порой самые мимолетные, дают большой материал для работы. Поэтому поездка в Красноярск по командировке комсомола была для Вольского настоящей наградой. Целых десять дней можно было спокойно собирать наброски к задуманным картинам, беседовать с интересными людьми, узнавать Сибирь.

Виктор ходил по цехам Красноярского алюминиевого завода, присматривался к нелегкому труду металлургов, вглядывался в лица — искал натуру. Его привлекло лицо Вячеслава Егоровича Синякина, оно светилось как-то умно, мягко. И художник сразу представил себе портрет человека в большой шапке. Человек глядел так, словно одарен философским пониманием жизни — так смотрят люди с полотен Рембрандта.

Свой ход, композиционный и цветовой, нашел Вольский и в двух других работах. В одной привлекает юноша с мечтательным, выразительным лицом, похожий в рабочей одежде на средневекового рыцаря; во второй — игра цвета становится символом сущности человека, проявившейся в процессе труда.

Серия «Портреты передовиков Красноярского алюминиевого завода» — свидетельство значительного интереса художника к человеку, его духовному миру, труду. И хотя полотна несколько эскизы (написаны они в считанные дни), это заявка на большую работу о нашем современнике.

Вольский — портретист. Определение на первый взгляд неожиданное. И все же правомерное. Портретом он мечтал заняться сразу после школы, но возникли горы театральной работы, и вернуться к портрету удалось лишь сейчас.

Две грани творчества Виктора Вольского не замыкают круг его интересов. Влечет еще книжная графика. В 28 лет одолевает желание все испробовать и познать.

Г. ЦЕСАРСКАЯ.